

Дискурс сексуальности в российском дворянском обществе первой половины XIX в.

О. И. Лисицына

В статье рассматривается тема сексуальной культуры в российском дворянском обществе первой половины XIX в. Исследование дискурсивных практик российского дворянства представляется значимой задачей научного анализа, поскольку ввиду жёсткой и многоуровневой цензуры (в том числе и самоцензуры), лишь немногие исторические источники данной эпохи содержат информацию о специфике сексуальности российского дворянства. Обращение же к дискурс-анализу речевых практик как таковых позволит не только лучше понять сексуальную культуру и сексуальное поведение российского дворянства, но и раскрыть механизмы, посредством которых осуществлялись одновременно конструирование сексуальной сферы жизни российского дворянства и контроль над ней. Опираясь на источники личного происхождения и художественную литературу (в том числе и «непечатную»), автор выявляет уровни дискурсивных практик о сексе и делает вывод о систематическом исключении женщин на каждом из уровней не только из «производства» дискурса, но и из какого-либо участия в нём.

Ключевые слова: сексуальность, дискурсивные практики, Российская империя, дворянское общество, цензура, власть, нормализация.

Для цитирования: Лисицына О. И. Дискурс сексуальности в российском дворянском обществе первой половины XIX в. – 2024. – № 3. – С. 28–46. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_28. EDN: IQHZV

Введение

Повседневная жизнь российского дворянства не одно десятилетие изучается в системе социально-гуманитарного знания [1]. Однако не все стороны мужской, и тем более, женской повседневности в равной степени исследованы. Отчасти причина этого кроется в слабой освещённости отдельных сторон жизни дворянства в исторических источниках. Разумеется, в первую очередь это касается сферы сексуальности, писать о которой даже в личных дневниках в исследуемый период осмеливались единицы, ведь в отношении дискурса сексуальности, по выражению Мишеля Фуко, система запретов была наиболее «уплотнена» [2, с. 52], что, в свою очередь, говорит о его особой значимости в процессе «нормализации» общества.

Но, несмотря на то что о сексуальной сфере жизни людей прошлого исторические источники зачастую сообщают значительно меньше, чем о других сторонах жизни, существует немало исследований историков, культурологов, философов и социологов по истории сексуальности. Ниже будут упомянуты лишь те из них, которые либо относятся к теоретической методологической базе данного исследования, либо связаны непосредственно с предметом исследования – дискурсом сексуальности российского дворянства первой половины XIX в.

Начиная с выхода в 1949 г. работы Симоны де Бовуар «Второй пол» [3], в историографии темы сексуальности сформировалось влиятельное направление, утверждающее социальную обусловленность полового поведения и сексуальных практик. Особая роль в формировании и легитимизации сексуальности в рамках данного направления отводилась категориям «дискурса» и «власти». Безусловно, ключевую роль в развитии подобных представлений сыграли взгляды М. Фуко, усматривавшего в сексуальности некий «конструкт», формируемый властью посредством воздействия на общественное сознание системой речевых практик о сексе [2, с. 110] с целью «нормализации» социума.

Как видим, в 1970-е гг. концепция М. Фуко «придаёт сексу форму дискурса»¹. В те же годы схожие идеи, правда в русле пересмотра психоаналитической теории, формулирует Джулиет Митчелл [4, с. 28], рассуждая о роли бессознательного

¹ Бодрийяр Ж. Забыть Фуко [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodr/zb_fuko.php (дата обращения: 22.05.2024).

в конструировании сексуальности, которую она понимает как комплекс действующих в социуме норм или моделей поведения. Дискурсивный аспект «нормализации» сексуальной сферы жизни общества в 1980-е гг. затрагивает в своей книге [5, с. 205–206] и Андреа Дворкин, которая, анализируя механизмы мужского доминирования в обществе, среди прочего выделяет такой из них, как «власть именовать», влияющий, по её мнению, не только на восприятие, но и на формирование окружающей действительности.

В 1990-е гг. выходят исследования, полемизирующие с М. Фуко по частным вопросам, но в целом подтверждающие его концепцию «власти-знания». Одно из них – исследование Джудит Батлер [6], которая не согласна с М. Фуко, полагавшим, что «гендерное регулирование» является частным примером «более масштабных регуляционных действий власти» и утверждает, что гендер «нуждается в собственных, вполне самобытных и особых регулятивных и дисциплинарных режимах». Второе – работа Энтони Гидденса «Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах» [7], в которой он, с одной стороны, характеризуя современную сексуальность – в противовес «викторианской» – в категориях «сексуальной революции», явно дискутирует с М. Фуко (М. Фуко был склонен видеть между современным ему и «новоевропейским» принципами конструирования сексуальности, скорее, преемственность, нежели разрыв), с другой – сходится с ним в оценках новоевропейского дискурса сексуальности как репрессивного и подавляющего [7, с. 50], в первую очередь по отношению к женщине.

Безусловно, после преобразований Петра I и особенно в исследуемый период Российская империя мыслилась как часть Европы, поэтому можно сказать, что в известной степени все суждения исследователей о «викторианской» сексуальности справедливы и для российских реалий, однако следует сделать ряд оговорок. Во-первых, ещё до преобразований Петра I в России существовал феномен «теремного затворничества», который не был привнесён с Запада и имел под собой подтекст контроля над сексуальностью именно представительниц нобилитета. Во-вторых, в отличие от «буржуазной» Европы, в Российской империи и XVIII в., и первой половине XIX в.

в значительной степени ещё продолжали господствовать традиционные, «феодалные» ценности, в рамках которых сексуальность индивида была подчинена «задаче укрепления его семейных, родственных и иных социальных связей» [8, с. 45], но не подвергалась – по М. Фуко – столь строгой системе запретов и ограничений (особенно в условиях продолжавшего существовать крепостного права). В-третьих, несмотря на укрепление связей с Западом при Петре I, действительное восприятие европейских нравственных установок относится лишь к концу XVIII в., когда культурные контакты образованного российского общества с Западной Европой стали более массовыми, и постепенно – в том числе и через иностранных гувернёров и гувернанток – оказались восприняты такие «буржуазные» ценности, как недопустимость вмешательства в частную сферу [9, с. 9], «плюрализация и индивидуализация» жизненных стилей [8, с. 46], стремление к самостоятельному выбору брачного партнёра, с одной стороны, но и явное ужесточение половой морали, с другой. Поэтому представляется обоснованным говорить о существенных изменениях в системе морально-этических норм российского дворянства именно к концу XVIII в., а период первой половины XIX в. (вплоть до Великих реформ) воспринимать как относительно целостный в культурном отношении.

Симптоматично, что исследований сексуальной сферы жизни российского дворянства данного периода крайне мало, даже И. С. Кон [8], специально изучавший сексуальную культуру в России, об этом периоде пишет довольно кратко. Целый ряд важных работ по теме принадлежит Н. Л. Пушкарёвой, не только в целом заложившей основу изучения взаимодействия полов в отечественной исторической науке [10], но и уделившей немалое внимание проблематике сексуальной культуры в России, в том числе сфере чувств и интимных переживаний российского дворянства первой половины XIX в. [11; 12], вопросам женской сексуальности [9; 13; 14 и др.]. Также нельзя не упомянуть об исследованиях А. В. Беловой – комплексном анализе повседневной жизни российских провинциальных дворянок XVIII – первой половины XIX в. [15], в частности восприятию дворянскими девушками собственной телесности и сексуальности [16; 17 и др.]. Отдельные аспекты проблематики сексуальности также затрагивались в работах И. А. Жеребкиной [18;

19] и Н. А. Мицюк [20], а также ряде других исследователей, однако практики говорения о сексе в российской дворянской среде остаются практически неизученными.

В данной статье предпринята попытка выявить специфику дискурса сексуальности в российском дворянском обществе первой половины XIX в. на основе гендерного подхода, истории повседневности, семиотического подхода и дискурс-анализа. Концептуальной основой исследования является социокультурная концепция сексуальности, а также «гипотеза подавления» и концепция «власти-знания» М. Фуко.

Результаты

Изучение женских и мужских текстов, принадлежащих дворянской культуре, показало, что дискурс сексуальности может быть присущ только двум видам письменных источников: эгодокументам и художественной литературе, поэтому для данного исследования привлекались именно они. В свою очередь, сопоставление текстов мужского и женского авторства демонстрирует существенную разницу в дискурсах, поэтому анализ построен на сопоставлении мужского и женского письма.

В мужских текстах со второй половины XVIII в. под влиянием тенденций сентиментализма распространилась мода описывать свои «чувствования», появилось понятие «влюблённость» и начал развиваться соответствующий язык [8, с. 85]. Всё более значимое место в дискурсивных практиках стало уделяться любовным переживаниям, а также их «предмету» – женщине. Причём это в равной степени касается как литературного творчества, так и личных переживаний, отражённых в эгодокументах.

Женские же тексты и во второй половине XVIII в., и позднее продолжали оставаться значительно более сдержанными. В них выражения чувств практически отсутствуют, а описания любовных переживаний носят гораздо более формальный характер. И даже в тех случаях, когда, судя по контексту или сопоставлению фактов с другими источниками, в женских эгодокументах должен наличествовать не только любовный дискурс, но и дискурс сексуальности, тем не менее, он или отсутствует¹, или намеренно формализован [21], или тщательно завуалирован

¹ Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Из воспоминаний о моём детстве // Воспоминания, дневники, переписка [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kern_a_p/text_0050.shtml (дата обращения: 02.05.2024).

[22, л. 2 об.] Можно сказать, что именно на уровне «выведения в дискурс» любовных чувств и сексуального влечения женщины-дворянки демонстрируют значительно большую приверженность традиционным семейно-брачным ценностям, в то время как стремление к индивидуализации и проговариванию любовных переживаний остается сугубо мужской прерогативой.

Если мужской эпистолярный слог во второй половине XVIII в. претерпевал изменения, то женский, по сути, ещё лишь формировался, однако и в XIX в. подобная сдержанность будет характерной чертой «женского письма» [23], которую можно объяснить воспринятой в процессе усвоения дискурса самоцензурой. Также к концу XVIII в. начал формироваться женский интерес к литературе, причём как читательский, так и писательский. Но для многих дворянок основным языком и устного, и письменного общения на период первой половины XIX в. стал французский язык, который (в противовес русскому языку, считавшемуся языком политики, и потому «мужским») будет языком светского общения и потому «дамским» [1, с. 54–55; 76]. В связи с этим многие «модницы» были лишены возможности читать произведения русской литературы, а уж тем более писать их.

Поэтому даже многие из вполне «печатных» и «цензурных» по тем временам произведений российских авторов изначально создавались как бы «не для дам» [24] – о подобной «исключённости» дворянских девушек и даже многих женщин свидетельствует учреждение лишь в 1859 г. специализированного женского издания – журнала «Рассвет»¹. Разумеется, это вовсе не означает, что ими не читались газеты и литературные журналы [21, л. 9], но весьма симптоматичным следует признать заявление А. С. Пушкина, что женщинам, якобы, поэзия не интересна², притом, что женские тексты демонстрируют совершенно обратное³. Более того, известно, что главными поклонницами, первыми слушательницами сочинений поэта и хранительницами его рукописей были именно женщины [25, с. 233–234], но всё же многие произведения русской

¹ Водовозова Е. Н. На заре жизни [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wodowozowa_e_n/text_0020.shtml (дата обращения: 9.04.2024).

² Пушкин А. С. Опровержение на критики [Электронный ресурс]. URL: <https://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/02misc/1031.htm?ysclid=lxwxcj9rjbr110842011> (дата обращения: 25.05.2024).

³ Ковалевская С. В. Воспоминания детства [Электронный ресурс]. URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/memoirs/kovalevskaaya_memoirs.htm (дата обращения: 10.04.2024).

Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Указ. соч.

классической литературы, особенно поэтические, в том числе «номинально» обращённые к женщине, создаются как бы «в обход» женской читательской аудитории. Пожалуй, одним из наиболее показательных примеров может служить творчество Д. В. Давыдова, который, даже обращаясь в своих стихах к мнимой адресатке («О пощади! Зачем волшебство ласк и слов» [26]; «Сегодня вечером увижусь я с тобою...» [27] и др.), в действительности писал явно для мужской публики, поскольку по стилистическим особенностям и смысловой нагрузке его произведения близки к многочисленным «внутримужским» поэтическим «посвящениям» [28; 29 и др.], а содержательный посыл данных и многих подобных им произведений делал их недоступными для женщин, ведь такие фразы, как «дрожь любви», и уж тем более «бешенство желанья» [26, с. 131], были совершенно «неприемлемы» для «дамского чтения», о чём будет подробно сказано ниже.

Так, внутри вышеописанного, довольно «нейтрального», любовного дискурса «вызрел» ещё один пласт речевых практик – собственно дискурс сексуальности, характеризовавшийся гораздо большей откровенностью, а в крайних его проявлениях и явной порнографичностью, обценной лексикой и гротескным сексуализированным содержанием. Разумеется, тексты такого рода были, как правило, «непечатными», да в большинстве своём и не предназначались для печати. Прежде чем проанализировать данные два пласта дискурсивных практик о сексуальности (назовём их условно «эротический» и «порнографический»), необходимо напомнить о таком важном факторе складывания и циркулирования дискурсов, как цензура. Очевидно, что грань между «пристойным» и «непристойным», как она понималась цензурой, – важный аспект для изучения принципов функционирования власти в отношении сексуальности. Но прежде следует оговориться о том, что, судя по всему, цензура не была единой. В контексте исследуемой проблемы логичным представляется выделение трёх уровней цензуры, из которых первый – государственная, второй – «частная» или «внутрисемейная», а третий – внутренняя цензура или самоцензура.

Что касается системы государственных запретов, она наиболее плотно «окутывала» две сферы – власти и сексуальности. О первой уже не раз писалось в историографии, о второй же

известно значительно меньше, однако её достаточно ёмко охарактеризовал в своих «Дневниках» А. Н. Вульф: «Смешно рассказывал Пушкин, как в Москве цензировали его “Графа Нулина”»: нашли, что неблагопристойно его сиятельство видеть в халате! На вопрос сочинителя, как же одеть, предложили сюртук. Кофта барыни показалась тоже соблазнительною: просили, чтобы он дал ей хотя салоп»¹. Как видим, любой сколько-нибудь сексуализированный дискурс пресекался на уровне государственной цензуры, а границы «дозволенного» были весьма узкими. Конечно, общеизвестно, что цензура лишь ужесточалась на протяжении первой половины XIX в., но следует предположить, что общая её направленность при этом оставалась неизменной (поскольку ни в николаевскую эпоху, ни ранее в России не публиковались произведения хоть сколько-нибудь эротического содержания), а ужесточившиеся требования затрагивали в первую очередь лексическую составляющую: «если б “Недоросль” явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Фонвизина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку канальей и собачьей дочерью, а себя сравнивает с сукою... “Что скажут дамы! – воскликнул бы критик, – ведь эта комедия может попасться дамам!”»² – писал А. С. Пушкин в своём «Опровержении на критики».

Как видим, уже на уровне государственной цензуры запреты и ограничения обосновываются таким критерием, как «пригодность» для дам и дамского чтения. Это явное «исключение» женщин из дискурса было характерно не только для государственной, но и для «частной», «внутрисемейной» цензуры, однако с некоторыми нюансами. Сам факт наличия этого уровня цензуры явствует из следующего высказывания А. С. Пушкина: «как будто литература и существует только для 16-летних девушек! Вероятно, благоразумный наставник не дает в руки ни им, ни даже их братцам полных собраний сочинений ни единого классического поэта, особенно древнего. На то издаются хрестоматии, выбранные места и тому под. Но публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик»³; подтверждается это и в IV

¹ Вульф А. Н. Дневник Алексея Николаевича Вульфа. 1828–1831 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://mirknig.com/knigi/history/1181652345-dnevnik-alekseya-nikolaevicha-vulfa-1828-1831-gg.html> (дата обращения: 8.04.2024).

² Пушкин А. С. Опровержение на критики [Электронный ресурс]. URL: <https://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/02misc/1031.htm?ysclid=lxwxf9rjbr110842011> (дата обращения: 25.05.2024).

³ Пушкин А. С. Указ. соч.

главе «Евгения Онегина», где Ленский выборочно «читает Оленинскую повесть» [30, с. 250]. Как видим, данные примеры демонстрируют табуирование информации на сексуальные темы, в первую очередь именно для «девушек», т. е. незамужних представительниц дворянского сословия. Действительно, для этого уровня цензуры была характерна подобная иерархия. Многие дворянки, вспоминая о своём детстве, также указывают, что их воспитание – в семье или даже вне её – было сопряжено с цензурными ограничениями чтения¹. Следует ещё раз подчеркнуть, что основанием для запретов был не столько возраст, сколько именно пол читающего. А в свою очередь, для женщин существовала уже внутренняя градация по возрасту. Так, вступление в брак явно способствовало смягчению или снятию цензурных запретов. Вот какие нюансы отмечает С. А. Толстая: «помню, я раз очень огорчилась, что Лев Николаевич написал цинично о каких-то эпизодах разврата красавицы Елены Безуховой. Я умоляла его выкинуть это место; я говорила, что из-за такого ничтожного, малоинтересного и грязного эпизода *молодые девушки будут лишены счастья читать это прелестное произведение*. И Лев Николаевич сначала неприятно на меня огрызнулся, но потом выкинул всё грязное из своего романа...» [31, с. 67]. Как видим, особенно жёсткие ограничения касались именно юных представительниц дворянского сословия.

Главным на данном уровне цензуры, безусловно, был запрет «самостоятельного» чтения девушкой романов, которые могли бы дать ей доступ хотя бы к малейшей информации на сексуальные темы и пищу для соответствующих размышлений. Симптоматично, что иных источников информации о собственной телесности и сексуальности юные дворянки также были лишены, а «чрезвычайная разборчивость» старших не только создавала постоянный «дефицит чтения»², но и делала невозможным их знакомство с большей частью вполне цензурных и печатных произведений как зарубежных, так и российских авторов. Следовательно, интересующий нас период характеризуется лишь

¹ Лабзина А. Е. Воспоминания // Российский мемуарий. [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Labzina/Labzina.htm> (дата обращения: 17.05.2024); Стерлигова А. В. Воспоминания о Екатерининском институте. [Электронный ресурс]. URL: <http://duchesselisa.livejournal.com/78186.html> (дата обращения: 25.05.2024); Францева М. Д. Воспоминания. [Электронный ресурс]. URL: <http://kemenkiri.narod.ru/gaaz/franzeva.htm> (дата обращения: 30.05.2024); Ковалевская С. В. Указ. соч.; Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Указ. соч.

² Ковалевская С. В. Указ. соч.

ужесточением сексуальной морали через систему представлений о «пристойном», «приличном» и «разрешительном» для дам, и в особенности для девиц, причём «частная» цензура оказывалась существенно жёстче государственной. Два этих уровня цензурных запретов, безусловно, влияли и на формирование третьего: выросшие в условиях полной табуированности дискурса сексуальности российские дворянки, естественно, никоим образом не могли этот дискурс воспроизводить. Очевидно, что для мальчиков подобная система запретов и ограничений, если и существовала, то была отнюдь не такой жёсткой и безальтернативной («читал охотно Апулея, а Цицерона не читал» [30, с. 314], вспоминает о своём детско-юношеском чтении А. С. Пушкин).

Следующий пласт дискурсивных практик представлен текстами, уже непосредственно посвящёнными сексуальному поведению и сексуальным практикам. Женские тексты этой категории сводятся исключительно к источникам личного происхождения, крайне редки и, что важно, говорят о сексе эвфемистически, не включаясь в дискурс сексуальности как таковой. Мужские эгодокументы также немногочисленны, однако отдельный интерес представляет «мужская» художественная литература этой категории.

Одними из самых ярких примеров источников личного происхождения этой категории могут служить «Записки» М. П. Загряжского и «Дневники» А. Н. Вульфа, в которых тема сексуального поведения не только непосредственно представлена, но и играет важную роль в повествовании. «Однажды она сидела у меня на коленях, держась левой рукой за шею... Я правой держал её за талию, а левой своевольничал далее и далее. Оба не знали, что делали. Один поцелуй произвел необыкновенное восхищение, какого в мою жизнь еще не бывало. Чувства нежной страсти разлились с головы до пят»¹, – пишет в конце XVIII в. Михаил Загряжский; «Софья становится нежнее со мною, я от этого в замешательстве: мне не хотелось бы на его (мужа Софьи, барона А. А. Дельвига – О. Л.) счёт гулять, а другого средства нет, чтобы избежать опасности, как не ходить ни к нему, ни к Анне Петровне (Керн, с которой А. Н. Вульф также состоял в любовных отношениях – О. Л.), что мне весьма

¹ Загряжский М. П. Записки [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Zagrazskij/Zag-5.htm> (дата обращения: 02.04.2024).

тяжело <...> Софья была ещё нежнее: что будет – будет»¹, – сетует в конце 1820-х гг. Алексей Вульф. Как видим, в текстах, созданных мужчинами, не только они сами, но и дворянские женщины предстают значительно более сексуально раскрепощёнными, чем это следует из их собственных эгодокументов.

В то же время сами дворянки по возможности вовсе избегают касаться вопросов столь «непристойного» характера, (причём, по всей видимости, эта особенность распространялась не только на письмо, но и на устную речь), а если и затрагивают данный аспект в своих текстах, то демонстрируют либо отрицание собственной телесности и потребности в сексуальной жизни: «...он... был уничтожен благородным и гордым её отпором, как низкий ухаживатель за чужой уже женой»²; либо собственную сексуальную непросвещённость: «ему казалось весьма естественным, чтобы 18-летняя девушка, *не имеющая понятия о любви*, отдалась человеку, который пользуется её расположением» [32, с. 46]; либо отвращение к телесному и сексуальному: «я не знаю *скотской любви*, и Боже меня спаси знать её, а я хочу любить чистой и непостыдной любовью»³. При этом и демонстративное отсутствие чувственности, и полная сексуальная непросвещённость самими дворянками – даже много лет спустя – осмысляются и оцениваются в своих мемуарах чаще всего в позитивном ключе, как неоспоримые «добродетели» или же «деликатность»⁴. Видимое исключение составляют мемуары Е. Н. Водовозовой, всё же дающие негативную коннотацию своей и чужой сексуальной непросвещённости⁵, но очевидно, это связано с тем, что данный текст создавался уже в пореформенный период, хоть и повествует о событиях первой половины XIX в., а для самой Е. Н. Водовозовой критика сексуальной непросвещённости является лишь частью критики «институтской» системы образования как таковой.

Такая ситуация наглядно демонстрирует воздействие «двойственной модели»⁶ сексуального поведения на формирование системы ценностных установок и морально-этических норм.

¹ Вульф А. Н. Указ. соч.

² Францева М. Д. Указ. соч.

³ Лабзина А. Е. Указ. соч.

⁴ Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Указ. соч.

⁵ Водовозова Е. Н. Указ. соч.

⁶ Муравьёва М. Г. История сексуальности // Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/gender/094.htm> (дата обращения: 02.05.2024).

В обществах, где распространены подобные «двойные стандарты», мужчина и женщина, как правило, не только живут в разных системах представлений о допустимом и недопустимом в сексуальной сфере, но ещё и на женщину возлагается функция «морального контролёра» общества, что заставляет её тщательно следить за соблюдением принятых в обществе норм и ограничивать не только собственную чувственность, но и сексуальность мужчины.

Следующий пласт дискурса, выделяемый из предыдущего, представляет собой наиболее яркий пример обозначенной двойственности – речь идёт о категории так называемых «непечатных», «экспрессивных» поэтических произведений, которые, используя формулировку их первого издателя в Женеве в 1879 г., можно обозначить как литература «не для дам» [24], хотя, как мы уже убедились, практически вся литература того времени предназначалась «не для дам», но здесь речь пойдёт уже о произведениях нарочито фривольного, «озорного» (и по большей части подчёркнуто-эротического или порнографического) характера, каковые писали и А. С. Пушкин [29; 33], и М. Ю. Лермонтов¹, и значительно менее известные авторы, «специализировавшиеся» на сочинении исключительно «непечатных» произведений – И. С. Барков, А. Полежаев и многие другие. Данный пласт литературы свидетельствует о существовании достаточно хорошо развитого и проработанного дискурса сексуальности, создаваемого, однако, исключительно мужчинами и существующего в сугубо мужской среде, ведь в контексте вышесказанного не вызывает сомнений, что женщины не только не писали ничего подобного, но и ни при каких обстоятельствах не читали такого рода сочинения, а следовательно, не владели соответствующим дискурсом.

В альбоме А. П. Керн А. С. Пушкин написал показательное в данном контексте четверостишие о И. С. Баркове, демонстрирующее обозначенную «исключённость» женщины из дискурса сексуальности: «Не смею вам стихи Баркова // Благопристойно перевести // И даже имени такова // Не смею громко произнести!»² Изучение источников мужского сексуального просве-

¹ Лермонтов М. Ю. Сашка [Электронный ресурс]. URL: http://mirknig.mobi/data/2013-06-09/1383723/Lermontov_Sashka.1383723.pdf (дата обращения: 30.05.2024).

² Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Указ. соч.

щения не входит в задачи данного исследования, но, очевидно, ключевыми факторами, обеспечивающими возможность формирования такого пласта дискурсивных практик о сексе, следует назвать их возможность свободного общения с представителями крестьянства (как с мужчинами, так и с женщинами, причём последние часто становились для них и первыми сексуальными партнёрами [8]), отличающимися достаточно непосредственным восприятием сексуальной стороны жизни, и возможность обсуждения сексуальных тем в кругу сверстников, и значительно более свободный доступ к литературному наследию, в том числе и античному.

Как видим, дискурс сексуальности в российской дворянской культуре не был единым и монолитным. В проговаривании любовных чувств, эротических переживаний и сексуального опыта можно явственно различить три уровня: во-первых, тексты о любви и любовных переживаниях, которых в связи с влиянием сентиментализма в рассматриваемый период становится особенно много; во-вторых, тексты, повествующие об эротических переживаниях, о собственном или чужом сексуальном опыте; в-третьих, экспрессивные тексты нарочито сексуального или порнографического характера. Так, можно заключить, что дискурс сексуальности был довольно хорошо развит в российской дворянской культуре, несмотря на жёсткие цензурные ограничения. Однако, следует предположить, что подобное его «расслоение» ставило своей целью то, что М. Фуко назвал «прореживанием» говорящих субъектов. Причём, происходило оно по двум ключевым критериям – возраста и пола, из которых последний был явно более значимым и принципиальным. Иными словами, в российской дворянской культуре происходит исключение женщины не только из «производства» дискурса сексуальности, но даже из какого-либо участия в нём.

Всё это, безусловно, существенно усиливало различия мужского и женского письма, а также вело к явной рассогласованности того, что М. М. Бахтин назвал «телесным низом» и «духовным верхом» [34]. Безусловно, такая разница существовала не только в женских и мужских практиках говорения о сексуальном, но и внутри мужского дискурса. Об этом явствует наличие проанализированных выше пластов или уровней дискурса сексуальности, но наиболее показательным может служить

пример применения различных «языков любви», когда речь идёт об одном и том же человеке. Проследим, как, в зависимости от контекста, А. С. Пушкин высказывается об А. П. Керн. Общеизвестно, что именно её в своём знаменитом стихотворении [35] поэт называет «мимолётным виденьем» и «гением чистой красоты», формируя некий «публичный» дискурс; в то же самое время в рамках дискурса «приватного», «закрытого», вдобавок «мужского» (в письмах друзьям-мужчинам – А. Н. Вульффу, С. А. Соболевскому) поэт между делом упоминает «*m-me Kern*, которую с помощью божией... на днях [у...б]»¹, и называет её «Вавилонской блудницей»². Разумеется, данный пример далеко не единственный, но он наиболее ярко свидетельствует о поляризации дискурсов сексуальности, имевших место в системе речевых практик о сексе в российской дворянской среде первой половины XIX в. В каком-то смысле это можно назвать различием между «публичным» и «приватным» дискурсами сексуальности.

Обсуждение и выводы

Итак, в рассматриваемый период система речевых практик о сексе в рамках дворянского сословия развивается в двух различных направлениях. Одно из них, будучи сугубо «мужским», являет собой пример экспрессивного, в большей или меньшей степени непосредственного и откровенного речевого процесса, обладающего соответствующей лексикой (которая зачастую могла быть инвективной и обценной), толерантным отношением к проявлениям своей и чужой (но, как правило, всё же, только мужской) чувственности; второе же, частично открытое женщине, но обычно лишь как «объекту» мужских эротических переживаний, оказывалось более «легитимным», всеобщим, но сильно формализованным и эвфемистическим.

Очевидно, что женщины не только не принимали участия в первом из них, но были из него сознательно исключены и поставлены в жесткие моральные рамки соответствующей их полу модели сексуального поведения, в том числе и речевого. В наиболее невыгодном положении оказывались девушки-

¹ Письмо А. С. Пушкина к С. А. Соболевскому. Вторая половина февраля 1828 г. из Петербурга в Москву [Электронный ресурс]. URL: <http://pushkin.lit-info.ru/pushkin/pisma/252.htm> (дата обращения: 25.05.2024).

² Письмо А. С. Пушкина к А. Н. Вульффу от 7 мая 1826 г. из Пскова или Острова в Дерпт [Электронный ресурс]. URL: <http://pushkin.lit-info.ru/pushkin/pisma/193.htm> (дата обращения: 25.05.2024).

дворянки: им позволялось читать только то, что заведомо исключало сколько-нибудь значимую информацию о сексуальном, и это блокировало для них фактически единственный возможный способ сексуального просвещения и познания своей и чужой телесности. В целом и «серьёзная» русская литература ориентировалась в большинстве своём на мужского читателя, а что читать барышне, за неё должны были решать те, кто занимался её воспитанием (и чаще всего таким «контролёром» морали в данный период оказывалась гувернантка).

В качестве ключевого механизма, осуществляющего процедуры «исключения» из дискурса, следует обозначить цензуру, которая осуществлялась на трёх уровнях: государственном, «частном» (или «внутрисемейном», когда старшие родственники или воспитатели брали на себя функцию «моральных контролёров») и «внутреннем», причём есть основания полагать, что зачастую, каждый последующий уровень был «жестче» предыдущего.

Как видим, изучение дискурсивных практик о сексе в российской дворянской среде, помимо прочего, позволяет лучше осознать культуру и повседневную жизнь российского дворянства, глубже понять мотивы создания тех или иных литературных произведений, специфику выбора тематики и особенностей художественного повествования.

Список литературы

1. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 2008. 412 с.
2. Фуко М. Воля к знанию (История сексуальности, Т. I) // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
3. Бовуар С. де. Второй пол / пер. с фр. Т. I, II. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 832 с.
4. Лауретис Т. Американский Фрейд // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 23–47.
5. Дворкин А. Порнография. Мужчины обладают женщинами // Введение в гендерные исследования. Ч. II... С. 199–219.
6. Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / пер. с англ. Е. Князевой. Минск: Прополис, 2000. С. 297–346.
7. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004. 208 с.
8. Кон И. С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: ОГИ., 1995. 464 с.
9. Пушкарева Н. Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. – 2008. – № 2 (47). – С. 3–18.
10. Пушкарева Н. Л. Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. – 1998. – № 6. – С. 74–83.
11. Пушкарева Н. Л. «Милый Алексей Николаевич» (флирт и любовь русского дворянина начала XIX века) // Родина. 1996. № 3. С. 67–73.

12. Пушкарёва Н. Л., Экштут С. А. Любовные связи и флирт в жизни русского дворянина начала XIX века // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / под ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Изд-во РГГУ, 1996. С. 178–204.
13. Пушкарёва Н. Л. Женщина и женское в традиционной русской сексуальной культуре до и после великих реформ XIX века // Вестник пермского университета. Серия история. 2013. № 1. С. 43–55.
14. Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии. М.: Ломоносовъ, 2012. 203 с.
15. Белова А. В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 480 с.
16. Белова А. В. Девичество российской дворянки XVIII – середины XIX в.: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. – 2006. – № 4 (41). – С. 45–63.
17. Белова А. В. Русская девушка-дворянка: сексуальность и гендерная идентичность (XVIII – первая половина XIX вв.) // Новый исторический вестник. – 2007. – № 2 (16). – С. 3–18.
18. Жеребкина И. А. Страсть: женское тело и женская сексуальность в России // Гендерные исследования. Харьков. – 1998. – № 1. – С. 155–209.
19. Жеребкина И. А. «Прочти моё желание...»: Постмодернизм, психоанализ, феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000. 256 с.
20. Мицок Н. А. Средства контрацепции в повседневной жизни российских дворянок на рубеже XIX–XX веков // Вестник ТвГУ. Серия «История». – 2014. – № 2. – С. 49–68.
21. Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 119.
22. РГАЛИ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 282.
23. Белова А. В. Женская эпистолярная культура и дворянская повседневность в России конца XVIII – первой половины XIX века // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения / сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 49–55.
24. Eros Russe. Русский эрот не для дам. (Женева, 1879) / Худож. В. Флиссак. СПб.: Фирма «Ольга», 1993. 206 с.
25. Письмо С. М. Дельвига к А. Н. Семеновой от 13 октября 1824 г. цит. по: Модзалевский Б. Л. Пушкин, Дельвиг и их петербургские друзья в письмах С. М. Дельвига // Пушкин и его современники. Избранные труды. СПб., 1999. С. 233–234.
26. Давыдов Д. В. Элегия VIII (О, пощади! Зачем волшебство ласк и слов) // Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1959. С. 131.
27. Давыдов Д. В. Решительный вечер // Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1959. С. 140.
28. Давыдов Д. В. Бурцову (Призывание на пунш) // Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1959. С. 76–77.
29. Пушкин А. С. Юрьеву // Брак холостит душу / Александр Пушкин. М.: Издательство АСТ, 2017. С. 36–37.
30. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Сочинения: в 3 т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. С. 186–354.
31. Толстая С. А. Моя жизнь // Октябрь. – 1998. – № 9. – С. 52–87.
32. Ржевская Г. И. Памятные записки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. статья А. Ф. Белоусова. 4-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 33–66.
33. Пушкин А. С. Гаврилиада // Брак холостит душу / Александр Пушкин. М.: Издательство АСТ, 2017. С. 130–165.
34. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
35. Пушкин А. С. К*** // Сочинения: в 3 т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 1. С. 351.

The Discourse of Sexuality in the Russian Noble Society of the First Half of the 19th Century

Ol'ga I. Lisitsyna

The article is devoted to the problem of the discourse of sexuality in the Russian noble society of the first half of the 19th century. The study of the discursive practices of the Russian nobility seems to be a significant task of scientific research, because in the conditions of strict and multilevel censorship (including self-censorship), only a few historical sources of this era contain information about the specifics of the sexuality of the Russian nobility, an appeal to the discourse analysis of speech practices as such will not only allow a better understanding of sexual culture and sexual behavior the Russian nobility, but also to reveal the mechanisms, through which the sexual sphere of life of the Russian nobility was simultaneously constructed and controlled. Relying on sources of personal origin and fiction (including "obscene") the author identifies the levels of discursive practices about sex and concludes about the systematic exclusion of women at each level not only from the "production of discourse", but also from any participation in it.

Key words: sexuality, discursive practices, Russian Empire, noble society, censorship, power, normalization.

For citation: Lisitsyna, O. I. (2024) Diskurs seksual'nosti v rossijskom dvoryanskom obshchestve pervoj poloviny XIX veka [The Discourse of Sexuality in the Russian Noble Society of the First Half of the 19th Century]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 28–46. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_3_28. EDN: IQIHZV

References

1. Lotman, Yu. M. (2008) *Besedi o russkoi kulture: bit i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: the life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th centuries)]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.)
2. Fuko, M. (1996) *Volya k znaniyu (Istoriya seksualnosti, T. I)* [The Will to Knowledge (History of Sexuality, Vol. I)]. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti. Raboti raznykh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works from Different Years]. Moscow: Kastal. (In Russ.)
3. Bovuar, S. de. (1997) *Vtoroi pol* [The Second Sex]. Moscow: Progress; St. Petersburg: Aleteiya. (In Russ.)
4. Lauretis, T. (2001) *Amerikanskii Freid* [American Freud]. *Vvedenie v gendervie issledovaniya. Ch. II: Khrestomatiya* [Introduction to Gender Studies. Part II: Reader]. Ed. S. V. Zherekkin. Kharkov: KhTsGI; St. Petersburg: Aleteiya. Pp. 23–47. (In Russ.)
5. Dvorkin, A. (2001) *Pornografiya. Muzhchini obladayut zhenshchinami* [Pornography. Men Possess Women]. *Vvedenie v gendervie issledovaniya. Ch. II* [Introduction to Gender Studies. Part II]. Pp. 199–219. (In Russ.)
6. Batler, Dzh. (2000) *Gendernoe bespokoistvo* [Gender Anxiety]. *Antologiya gendernoi teorii* [Anthology of Gender Theory]. Minsk: Propilei. Pp. 297–346. (In Russ.)
7. Giddens, E. (2004) *Transformatsiya intimnosti. Seksualnost, lyubov i erotizm v sovremennikh obshchestvakh* [Transformation of Intimacy. Sexuality, Love, and Eroticism in Modern Societies]. St. Petersburg. (In Russ.)
8. Kon, I. S. (1995) *Seksualnaya kultura v Rossii. Klubnichka na berezke* [Sexual Culture in Russia. Strawberry on a Birch Tree]. Moscow: OGI. (In Russ.)
9. Pushkareva, N. L. (2008) *Seksualnost v chastnoi zhizni russkoi zhenshchiny (X–XX vv.): vliyaniye pravoslavnogo i etakratcheskogo gendernikh poryadkov* [Sexuality in the Private Life of Rus-

sian Women (10th – 20th Centuries): The Influence of Orthodox and Etacritic Gender Orders]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 2 (47). Pp. 3–18. (In Russ.)

10. Pushkareva, N. L. (1998) *Gendernii podkhod v istoricheskikh issledovaniyakh* [Gender Approach in Historical Research]. *Voprosi istorii* [Questions of History]. No. 6. Pp. 74–83. (In Russ.)

11. Pushkareva, N. L. (1996) «*Milii Aleksei Nikolaevich*» (*flirt i lyubov russkogo dvoryanina nachala XIX veka*) ["Dear Alexei Nikolaevich" (flirtation and love of a Russian nobleman of the early 19th century)]. *Rodina* [Rodina]. No. 3. Pp. 67–73. (In Russ.)

12. Pushkareva, N. L., Ekshtut, S. A. (1996) *Lyubovnie svyazi i flirt v zhizni russkogo dvoryanina nachala XIX veka* [Love affairs and flirtation in the life of a Russian nobleman at the beginning of the 19th century]. *Chelovek v krugu sem'i: Ocherki po istorii chastnoi zhizni v Yevrope do nachala novogo vremeni* [A person in the family circle: Essays on the history of private life in Europe before the beginning of Modern times]. Ed. Yu. L. Bessmertny. Moscow: Izd-vo RGGU. Pp. 178–204. (In Russ.)

13. Pushkareva, N. L. (2013) *Zhenshchina i zhenskoe v traditsionnoi russkoi seksualnoi kulture do i posle velikikh reform XIX veka* [Woman and Feminine in Traditional Russian Sexual Culture Before and After the Great Reforms of the 19th Century]. *Vestnik permского университета. Seriya istoriya* [Bulletin of Perm University. History Series]. No. 1. Pp. 43–55. (In Russ.)

14. Pushkareva, N. L. (2012) *Chastnaya zhizn russkoi zhenshchiny v XVIII stoletii* [Private Life of Russian Women in the 18th Century]. Moscow: Lomonosov. (In Russ.)

15. Belova, A. V. (2010) «*Chetire vozrasta zhenshchiny*»: *Povsednevnyaya zhizn russkoi provintsialnoi dvoryanki XVIII – seredini XIX v.* ["Four Ages of a Woman": Everyday Life of a Russian Provincial Noblewoman of the 18th – Mid-19th Centuries]. St. Petersburg: Aleteiya. (In Russ.)

16. Belova, A. V. (2006) *Devichestvo rossiiskoi dvoryanki XVIII – seredini XIX v.: telesnost, seksualnost, gendernaya identichnost* [Maidenhood of a Russian Noblewoman of the 18th – Mid-19th Centuries: Corporality, Sexuality, Gender Identity]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 4 (41). Pp. 45–63. (In Russ.)

17. Belova, A. V. (2007) *Russkaya devushka-dvoryanka: seksualnost i gendernaya identichnost (XVIII – pervaya polovina XIX vv.)* [Russian noblewoman: sexuality and gender identity (18th – first half of the 19th centuries)]. *Novii istoricheskii vestnik* [New historical bulletin]. No. 2 (16). Pp. 3–18. (In Russ.)

18. Zherebkina, I. A. (1998) *Strast: zhenskoe telo i zhenskaya seksualnost v Rossii* [Passion: the female body and female sexuality in Russia]. *Gendernie issledovaniya* [Gender studies]. Khar'kov. No. 1. Pp. 155–209. (In Russ.)

19. Zherebkina, I. A. (2000) «*Prochti moyo zhelanie...*»: *Postmodernizm, psikhoanaliz, feminizm* ["Read my desire ...": Postmodernism, psychoanalysis, feminism]. Moscow: Ideya-Press. (In Russ.)

20. Mitsyuk, N. A. (2014) *Sredstva kontratsepsii v povsednevnoi zhizni rossiiskikh dvoryanok na rubezhe XIX–XX vekov* [Contraception in Everyday Life of Russian Noblewomen at the Turn of the 19th and 20th Centuries]. *Vestnik TvGU. Seriya «Istoriya»* [Vestnik of TvSU. History Series]. No. 2. Pp. 49–68. (In Russ.)

21. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art] (hereinafter – RGALI). F. 10. Op. 1. D. 119.

22. RGALI. F. 7. Op. 2. D. 282.

23. Belova, A. V. (2001) *Zhenskaya epistolyarnaya kultura i dvoryanskaya povsednevnost v Rossii kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX veka* [Women's Epistolary Culture and Everyday Life of the Nobles in Russia in the Late 18th – First Half of the 19th Century]. *Rossiiskie zhenshchiny i yevropeiskaya kultura* [Russian Women and European Culture]. Proceedings of the 5th Conference on the Theory and History of the Women's Movement. Compiled and edited by G. A. Tishkin. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. Pp. 49–55. (In Russ.)

24. (1993) *Eros Russe. Russkii erot ne dlya dam.* (*Zheneva, 1879*) [Russian Eros is not for ladies. (Geneva, 1879)]. Artist V. Flissak. St. Petersburg: Firma «Olga».

25. (1999) *Pismo S. M. Delvig k A. N. Semenovoi ot 13 oktyabrya 1824 g. tsit. po: Modzalevskii B. L. Pushkin, Delvig i ikh peterburgskie druzya v pismakh S. M. Delvig* [Letter from S. M. Delvig to A. N. Semenova, October 13, 1824. cited from: Modzalevsky B. L. Pushkin, Delvig, and Their St. Petersburg Friends in the Letters of S. M. Delvig]. *Pushkin i yego sovremenniki. Izbrannie trudi* [Pushkin and His Contemporaries. Selected Works]. St. Petersburg. Pp. 233–234. (In Russ.)

26. Davidov, D. V. (1959) *Elegiya VIII (O, poshchadi! Zachem volshebstvo lask i slov)* [Elegy VIII (Oh, have mercy! Why the magic of caresses and words)]. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskii pisatel. P. 131. (In Russ.)

27. Davidov, D. V. (1959) *Reshitel'nyi vecher* [Decisive Evening]. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskii pisatel. P. 140. (In Russ.)

28. Davidov, D. V. (1959) *Burtsovu (Prizivanie na punsh)* [To Burtsov (Call for Punch)]. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskii pisatel. Pp. 76–77. (In Russ.)

29. Pushkin, A. S. (2017) *Yurevu* [To Yuryev]. *Brak kholostit dushu* [Marriage bachelorizes the soul]. Moscow: Izdatel'stvo AST. Pp. 36–37. (In Russ.)

30. Pushkin, A. S. (1985) *Yevgenii Onegin* [Eugene Onegin]. *Sochineniya. V 3-kh t. T. 2. Pemi; Yevgenii Onegin; Dramaticheskie proizvedeniya* [Works. In 3 volumes. Vol. 2. Poems; Eugene Onegin; Dramatic works]. Moscow: Khudozhestvennaya literature. Pp. 186–354. (In Russ.)

31. Tol'staya, S. A. (1998) *Moya zhizn* [My Life]. *Oktyabr* [October]. No. 9. Pp. 52–87. (In Russ.)

32. Rzhavskaya, G. I. (2008) *Pamyatnie zapiski* [Memorable notes]. *Institutki: Vospominaniya vospitannits institutov blagorodnikh devits* [Institute girls: Memories of pupils of institutes for noble maidens]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 33–66. (In Russ.)

33. Pushkin, A. S. (2017) *Gavriliada* [Gavriliada]. *Brak kholostit dushu* [Marriage bachelorizes the soul]. Moscow: Izdatel'stvo AST. Pp. 130–165. (In Russ.)

34. Bakhtin, M. M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednekovaya i Renessansa* [The Works of Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literature. (In Russ.)

35. Pushkin, A. S. (1985) *К*** [К***]*. *Sochineniya. V 3-kh t. T. 1* [Works. In 3 volumes. Vol. 1]. Moscow: Khudozhestvennaya literature. P. 351. (In Russ.)

Об авторе

Лисицына Ольга Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Тверской государственный университет, г. Тверь, Российская Федерация; e-mail: olglisitsyna@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0001-1872-7262

About the author

Lisitsyna Ol'ga I. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History, Tver State University, Tver, Russian Federation; e-mail: olglisitsyna@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0001-1872-7262

*Статья поступила в редакцию 14.06.2024
Одобрена после рецензирования 30.07.2024
Принята к публикации 8.08.2024*